

ОБРАЗ ДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ФОРМАТЕ МОЛОДЕЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ

В статье исследуется специфика проявления политического субъекта в условиях трансформации культурных и идеологических программ жизнедеятельности общества, его социальных и политических институтов. В качестве форм реализации политической субъектности рассматриваются молодежные движения, которые автор квалифицирует как механизмы ритуализированного действия.

Ключевые слова: молодежные движения; политическая субъектность.

Образ действия, или тип поведения, политического субъекта продиктован свойствами политического времени, определяющего задачи, связанные с сохранением общества и потенциальных возможностей его эволюции. В трансформационный период – время кризиса относительно универсальных представлений об обществе, идейных парадигм и норм общественной организации – активизируются социокультурные механизмы, благодаря которым моделируются новые отличия общества от окружающего мира и его прошлых состояний. Их цель состоит в новом обозначении смысловых границ общества, ускоренном воспроизводстве его самоописаний, не позволяющих ему слиться с окружающим его миром и прекратить свое относительно целостное, жизнеспособное существование.

Создание и функционирование этих механизмов и средств их реализации осуществляется во взаимодействии со структурой общественного сознания, его константами, формируя благоприятную среду для присоединения актуализированных отличий. В условиях ускорения режимов взаимодействия социальной системы и ее окружающего мира эти процессы осуществляются все более мобильно. При этом в период изменений, в особенности способных возникать непредсказуемо, в ситуации снижения эффекта прежних парадигм познания и недостатка необходимого для преодоления хаотизации общества когнитивного опыта, важно учитывать необходимость компенсационного эффекта, увеличивающего адаптацию общества, норм и ценностей, его объединяющих, сформированных прежними различиями социальной системы и окружающего ее мира. Это дает обществу возможности соблюдения необходимой устойчивости в переходный период и требует введения соответствующих технических и культурных инноваций. Развитие новейших технических средств коммуникации и информационных технологий, проявляющихся на фоне кризиса прежних программ жизнедеятельности (культурных, идеологических), не отменяет, а дополняет социокультурные аспекты перехода к использованию до этого времени не реализованного когнитивного опыта общества, появление новых образцов жизнедеятельности общества, актуализации забытых ценностей.

Трансформационный период сопровождается проявлением влияния окружающего мира, порой противоречащего существующим нормам социального порядка, формированием социокультурных пространств, которые не способны контролироваться доминирующими способами организации сознания и общества, социальными институтами, увеличением для политического субъекта и общества в целом степени проблематично-

сти реальности. В этот период появляются средства для качественно новых технологий управления сознанием, связанные с виртуальными и коммуникационными эффектами, определяющими более тесный контакт между обществом и властью, уменьшающий дистанцию между ними. Эти эффекты достигаются во многом благодаря до недавнего времени технически не возможной высокой степени анонимности политического субъекта, многоликости его влияния на общественные отношения, пополнившегося спектром инструментов для управления сознанием современного индивидуума. Важной чертой политического субъекта в условиях неконтролируемого роста проблематичности реальности становится навык управлением сознанием, концентрирующий в пространстве власти соответствующую этим задачам профессиональную прослойку.

Информационные технологии и техники формирования сознания, основанные на ресурсах сознания человека в процессе его эволюции, становятся наиболее эффективными средствами политического управления. Как пишет М. Делягин, главным объектом преобразовательной деятельности человечества становится сам инструмент этого осознания – как коллективного, так и индивидуального [1. С. 109–110]. Современные технологии передачи сообщений и формирования информации участвуют в создании основ социального порядка. Они производят эффект сближения пространств и различных способов репрезентации мира, порождающий возможности для управления трансформациями социокультурной среды для эффективного воздействия и видоизменения властного кода, редуцирующего сложность сообщений из окружающего мира, представленного как другими системами, так и возросшими возможностями индивидуума для влияния на общество. Неупорядоченность его пертурбаций приводит к нарушению социально-политического взаимодействия и хода его эволюции. Политические противоречия информационной эпохи складываются главным образом из-за различных способов селекции информации, выраженных в идеологии, культуре как ее основе, научных концепциях, организующих и направляющих эмпирический опыт. Важной основой информационного управления становятся системные качества культуры, составляющие несущую конструкцию властного кода, представляющего тот или иной способ видения мира.

Культура определяет возможности и пределы использования современных информационных технологий в политическом управлении. Как отмечают исследователи, технологии обработки информации, разработанные для одной культурной парадигмы, в рамках другой могут либо не восприниматься в принципе, ли-

бо восприниматься совершенно по-другому. Многообразие и богатство культур, таким образом, становится препятствием на пути информационных технологий. Культурный барьер, попросту не ощущаемый относительно примитивными индустриальными технологиями, оказывается роковым для сверхэффективных информационных технологий и особенно для технологий формирования сознания [2. С. 545]. Культура как препятствие внешнему управлению служит возможностям жизнедеятельности общества, перманентного воссоздания компонентов идейного единства, выстраиванию сходных для членов общества ориентиров развития. В современных условиях мультикультурного воздействия эффект использования властного кода зависит от степени возможностей восстановления (воспроизводства) культурной, в некоторой степени заново образованной среды. С целью повышения эффективности политического управления возникает потребность в формировании компенсационных механизмов для конструирования идейных компонентов общественного развития относительно гомогенного характера. Они нацелены, с одной стороны, на создание относительно однородного идейного пространства, с другой – на выделение, формирование отличий этого пространства от его окружающих, создавая условия для его относительно целостной жизнедеятельности как социокультурной и в соответствии с этим относительно независимой политической системы.

Это делает необходимым включение таких посредников политической коммуникации, которые могли бы естественно, т.е. в некотором соответствии между свойствами окружающего мира социума и его культурной традицией, связывать изначальный (родовой) и наличный (настоящий) опыт системы в режиме быстрого реагирования на изменения. Эффективность технологий управления сознанием в переходный период требует не только высокосовременного технического обеспечения, но и носителей, связующих продукты технологий и общества, социокультурных качеств и свойств сознания. В противном случае происходит нарушение ритмов взаимодействия политической системы и ее культурного фундамента. В этой связи активизация опыта системы и его интерпретация, а также конструирование на ее основе способов самонаблюдения систем и формирование проектов социальной реальности осуществляются с активным подключением молодежи, отличающейся способностью соединять в своем сознании разнообразие проявлений действительности на основе того или иного родового опыта, мотивируя его пополнение новыми системными элементами. К ним относятся и социальные феномены, отражающие новые контексты проявления родового опыта, которые заново связывают общество в рамках его подвижных, благодаря открытию новых механизмов и структур социальной взаимосвязи, границ. Приоткрытие и укрепление новых уровней взаимосвязей общества, воспроизводство построенных на их основе социальных институтов как целей трансформационного времени, инициированных воздействием окружающего мира, требуют соответствующих природе этих уровней средств, носителей и форм, рассчитанных на социально-политическую адаптацию этих уровней и порожденных ими типов коммуникации.

Молодежь и ее общественно-политические движения становятся носителями пилотных проектов власти, задающих стратегические ориентиры и тактики развития для общества в условиях переходного времени, его ценностно-нормативные приоритеты. В данном случае движение можно рассматривать как «форму когнитивной практики», продолжающуюся во времени и пространстве. В рамках когнитивного подхода движение – есть функционирование идеологий – их развитие и взаимодействие с интеллектуальной средой, порождающее их основное свойство – способность создавать все новые представления в новых ситуациях, генерировать новые интерпретации. Движение в этой связи – констатация того факта, что данная социальная система сконструирована не совсем удачно [3. С. 19].

Конструирование молодежных движений общественно-политической направленности благодаря росту сложности современного общества является одним из способов формирования его институциональных изменений, связанных с воздействием на его когнитивный опыт и смену ценностных предпочтений индивидумов. Молодежные движения в некоторой мере проектируют создание среды сопротивления общества самому себе для производства реальности, которую общество, ввиду своей сложности, иначе (самостоятельно) сконструировать бы не могло, а также в том или ином режиме контроля со стороны политического субъекта реализуют протест общества против самого общества. Протест избавляет общество от избыточности разнородных представлений о нем самом, мотивирующих его самоактуализацию и самоизменение, способных вызвать блокирование его эволюции.

Отличительным свойством большинства программ молодежных движений является их мозаичность, содержательные аспекты которых не объединены общей концепцией развития. Это следствие переходного сознания, которое представляет собой разрозненные части, соединенные структурами «родовой памяти» общества. Программы движений, состоящие из различных идейных блоков, объединены конструкциями мифологического характера, связанные с «родовой памятью» общества, константы которых по типу резонансного воздействия соединяют в сознании молодежи и общества проблематичную реальность. В этой связи программные установки молодежных движений формируются в качестве критических самоописаний существующих состояний общества, его самодиагностики, затрагивающей не только настоящее, но и прошлое. Их задача – построение мотиваций для эволюции общества как целого в формах и потребностях настоящего.

В своих различных проявлениях в современном сложнодифференцирующемся обществе молодежные движения выполняют функцию воссоздания его относительно замкнутости на единых нормах взаимодействия, воссоединения множачихся сегментов с «родовой памятью», реализуемой в обществе через такой социокультурный механизм как ритуал. Он нацелен на укрепление системных свойств общества, культурной и политической целостности и создание среды для «обнаружения» обществом реальности новых идей, способных воссоединять его в относительно новых условиях существования. При этом ритуальная компонента

осуществляет соединение (взаимопроникновение) сознания молодого индивидуума и норм социального порядка, реализующихся в российском обществе. Множественность представлений об этих нормах политического субъекта подразумевает множество линий ритуального действия, не исключая его основной направленности.

Согласно исследованиям известного антрополога В. Тернера, «ритуал – это стереотипная последовательность действий, которые охватывают жесты, слова и объекты, исполняемые на специально подготовленном месте и предназначаются для воздействия на сверхъестественные силы или существа в интересах и целях исполнителей» [4. С. 32]. В политической практике ритуальное действие позволяет политическому субъекту максимально анонимно, с привлечением новых контекстов презентовать свои представления о типах политической организации, на его взгляд, адекватных условиям жизнедеятельности общества, которые он выводит из наличествующего когнитивного опыта.

К базовым ритуальным функциям В.Н. Торопов относит, во-первых, функцию социализации, которой подвергаются посредством ритуала исходные биологические и физиологические данные человека, которая ведет к новому способу его бытия – уже не только природно-биологического, но и культурно-социологического. Во-вторых, творческую, мифостроительную функцию, высказывая мысль о том, что ритуал выступает как творческое лоно синкретических знаковых протосистем [5. С. 18–19]. В ритуале производится инкорпорирование в нормы социального порядка и условия их применения, строительство новых мифологических конструкций, связывающих изменяющуюся действительность, реализующаясь через коррекцию стереотипных условий его проведения, нацеленных на расширение границ реализуемых смыслов или их преодоление. Но условием сохранения ритуальности действий является сакральное отношение ко всему тому, что происходит. Социальной группой, которая наиболее подвержена воздействию ритуальных механизмов, является молодежь. Она поддерживает существование ритуальных действий в обществе как способов включения в свое сознание признаков социального пространства, в котором она социализируется, и как инструмента самореализации. Благодаря ритуалу происходит обозначение границ (культурных, социальных, пространственных), в рамках которых молодой человек может существовать в обществе, соотносясь с которыми можно постоянно самоопределяться, самоорганизовываться в связи с изменившимися обстоятельствами жизнедеятельности.

Ритуал, принимая различные формы, характеристики, всегда для человека – условие «отметки» его бытия в конкретном обществе, принадлежности к нему, с одной стороны, и утверждения себя в качестве особого, причастного к этому обществу, но самостоятельного действующего в нем участника – с другой [6. С. 3]. Ритуал определяет формирование человеческого сознания, коренным отличием которого является способность к порождению смыслов как дискретных психических состояний, выражаемых в кодах. Формирование человеческого сознания оказывается связано с частич-

ным разрывом универсальной природной, энергетически-информационной связи всего со всем, который и выполняет ритуал [7. С. 28–29]. В дифференцирующемся обществе, множась числе системных границ и отграничений происходит рост числа и роли ритуалов как способов социально-политического взаимодействия и сохранения основ предыдущих и порождения новых социальных состояний.

Ритуал активизируется именно в трансформационный период, сопряженный со сломом правил регулирования социально-политического взаимодействия на основе формально-правовых и идеологических систем, и нацелен на выход к новым границам возможностей общества. Как считает Н.А. Хренов, ритуал актуален и эффективен именно в кризисные периоды, когда нормальное функционирование общества или коллектива оказывается под угрозой. В этой ситуации возникает множество экспериментов, которые показательны для становления нового общества. Ритуал появляется как «творческий ответ» на вызов истории не извне, а изнутри становящегося общества [8. С. 62]. На этой почве возникает рост форм ритуализированного действия и включение в их работу молодежи. Это обусловлено ускорением изменений и снижением уровня participационных отношений между властью и обществом, которое не сопряжено к инкорпорированным в него властью инновационным решениям и смыслам. В итоге усвоение обществом новых норм и ценностей социального порядка и построенные на их основе инновационные стратегии развития практически не воспринимаются общественным сознанием как свои и поэтому реализуются с большими издержками. Ритуал призван восполнить эту недостачу, которую можно определить как недостаток участия трансцендентного начала в социализации и политической коммуникации. Ритуал представляет собой процесс обнаружения трансцендентного, преодолевающего старые и устанавливающего новые границы возможного действия для общества и его политической системы в частности.

Согласно исследованиям культурологов, центральным моментом ритуальной драмы является сакральное жертвоприношение. Смысл жертвы – трансляция энергии в запредельное пространство и получение оттуда ответного энергетического импульса. С помощью жертвоприношения – своеобразного энергообмена – архаический коллектив устанавливает связь мира культуры, в котором он пребывает, с миром природы, от которого оно отпадает. В результате подобного действия происходит вторичный синтез разрозненных аспектов существования и обретение новой целостности [7. С. 29–30]. В современном обществе мотив жертвоприношения приобрел целый ряд новых форматов, среди которых находится и в той или иной мере конструируемый молодежный социально-политический и культурный протест, моделирующий ритуал и соответствующий ему функции в обществе. Его смысл состоит в выстраивании культурно- и энергообмена политического субъекта с базовыми структурами общества, под воздействием новых факторов жизнедеятельности. Молодежные движения придают витальность развитию новых типов коммуникаций и институтов, укреплению в общественном сознании когнитивных моделей вос-

приятия социальной и политической реальностей, предлагаемых обществу властью в тот или иной исторический момент.

В результате происходит не только актуализация в сознание молодежи различных определений родового начала политики и его самоактуализация, но и произведение в различной мере резонансного воздействия на общество, стимулирующего воспроизводство ритуала в масштабах общества как способа инкорпорирования тех или иных проектов власти. В ритуале, полагают исследователи, задаются (адресуются действующему) те смыслы и задачи, которые будут развертываться и разрешаться впоследствии, посредством определенного образа действий. Ритуал – средство обнаружения и утверждения новых замыслов и идей жизни [8. С. 57]. Таким образом, ритуал служит переходу к новым моделям жизнеустройства, которые молодежь первоначально перерабатывает в процессе «опробования», конструируемых политическим субъектом, имеющих ритуальный характер альтернативных форм социализации. Благодаря этим формам канализируется критический потенциал части молодежи, испытывающей недостаток партиципационных отношений с обществом и ориентационных стратегий, который не могут использовать для усиления коммуникационных возможностей общества базовые институты социализации.

Ритуал нацелен на выработку программ жизнедеятельности, позволяющих реализовываться и адаптироваться в обществе. Так, архаическому ритуалу перехода соответствовал такой обряд, как инициация, который должен был приготовить молодого человека к тому, чтобы стать полноправным членом общества. Инициация подразумевает отрицание менее адекватных и неактуальных условий жизни и возрождение обновленных и более соответствующих новому статусу иницируемого. Когда психологическая ориентация изживает свою полезность, но не получает возможности трансформироваться, она начинает разлагать и заражать всю психическую систему. Суть трех этапов инициации: 1) уход иницируемого из привычного для него мира; 2) нахождение в экстремальной обстановке, подавление, потеря себя; 3) возвращение в привычный мир на ином качественно уровне [9. С. 91]. Инициация предполагает выход на более абстрактный образ восприятия действительности, объемлющий ее разные уровни понимания. Ее начало продиктовано ограниченностью доминирующих в социализации ценностных норм и представлений о социально-политической реальности. Значение ритуала как для молодежи, так и для политического субъекта усиливается в ситуации, когда становятся неэффективными как регуляторы и ориентиры действия в окружающем мире, организующие опыт и восприятие, прежние культурные и идеологические программы. Ритуал создает среду для культурных нововведений и идей развития, поддерживающих жизнедеятельность общества. В этой связи установки ритуала могут быть весьма противоречивы и обладают суггестивным воздействием, нацеленным на конструирование пространства для контролируемого действия, определяемого политическим субъектом в качестве инструмента социализации в период неустойчивости социальных институтов и их идейных основ.

Исследователи определяют суггестию как механизм включения инстинктивного подчинения требованиям извне и один из факторов самосохранения общества, действующий на системном уровне [10. С. 9]. Как отмечает Н.Д. Субботина, суггестия есть способ регуляции индивидуального поведения, лежащий в основе всей системы общественных отношений доцивилизованного периода развития общества, предвосхищая сложную государственно-правовую систему регуляции эпохи цивилизации [10. С. 30]. Техника использования суггестии основана прежде всего на постоянном повторении внушаемого, что способствует закреплению нужной информации и переходу в долговременную память [10. С. 115]. В условиях ускоренного реформирования и частой коррекции государственно-правовых систем методы суггестивного воздействия становятся важным средством регулирования процессов воспроизводства социального порядка. Особенно ему подвержена молодежь, не выработавшая навыки самостоятельного осмысления действительности, которая в переходный период становится в обществе одним из ведущих проводников информационного воздействия на него со стороны окружающего мира (других обществ, систем, индивидуумов, политических и экономических акторов).

В условиях затянувшихся пертурбаций общества и нарушения его культурных констант, вызванных развитием технического оснащения влияния окружающего мира, суггестивное воздействие может превышать порог устойчивости норм социального порядка и социальной системы в целом, делая ее исключительно реципиентом социокультурных проектов других социальных систем, способным не только усилить, но и снизить потенциал ее жизнедеятельности. В свете современного этапа развития мирового сообщества программные установки молодежных движений можно рассматривать не только как инструменты суггестивного воздействия на молодежь и общество в целом, но и как инструменты для ограничения суггестивного воздействия или контрсуггестии на культуру общества, вызывающие ее пертурбации. По мнению Н.Д. Субботиной, контрсуггестия – это шаг в становлении социальной свободы и индивидуальной субъективности [10. С. 30]. Если суггестия служит целям единства общения, то контрсуггестия – целям единства обособления [10. С. 115]. Контрсуггестивные установки нацелены и на возникновения отличий общества от другого. Они могут быть выражены в культуре или идеологии и способствовать формированию социальных норм и отличий государственных систем в целом, утверждая тем самым механизмы защиты от других, возможно, обладающих большим потенциалом суггестивных методов воздействия, мобилизуя социокультурные механизмы, политические институты и элиты.

Эти тенденции отражаются и на приоритетах деятельности общественно-политических объединений, в том числе и молодежных. В частности, в деятельности молодежных общественно-политических объединений в основной своей массе, начиная с 2005 г., времени начала цикла новых социально-политических и экономических пертурбаций в России, вызванных рядом разрушительных последствий влияния систем окружаю-

щего мира, реализуется главным образом контрсуггестивный идеологический вектор. Он нацелен на обособление российской социальной системы от окружающего ее мира, создание идеологического «препятствия» на пути тем его влияниям, которые разрушительно воздействуют на ее жизнеспособность. Важным аспектом проблемы является внутренняя, идейная разобщенность общества. На первоначальном этапе формирования общегосударственных идеологических доктрин развития в той или иной мере урегулировать этот аспект проблемы призвана активизация молодежного участия в политических процессах. Этот вектор усиливает ритуальную компоненту идейного обеспечения и проявлений современных российских молодежных движений. В нее входит фиксированный спектр стереотипов и норм социального действия, нормативные, институциональные установления, императивы (требования, должное), запреты и дозволения, представляющие определенную свободу выбора, составляющие, по мнению исследователей, сердцевину любого ритуала [11. С. 37]. Молодежные движения общественно-политической направленности по своей природе являются во многом контрсуггестивными механизмами. Движение, как правило, является следствием в той или иной мере выраженного суггестивного воздействия, реализуемого в процессе тех или иных направлений социализации, информационное обеспечение которой через те или иные ценностно-нормативные приоритеты общественных отношений и типы социально-политической организации общества призвано защитить тот или иной проект создания особенного варианта социально-политического развития. В круг его задач также входит соединение российского опыта и опыта организации других общественных систем, которое могло бы противостоять разрывам в интересах общества и индивида. В 2004–2005 гг. под угрозой оказались наиболее фундаментальные основы существования российского общества, связанные с угрозой его безопасности, которые спровоцировали контрсуггестивную направленность в организации политического действия и активизировали молодежные движения как механизмы ее реализации.

При этом внутренние отличия идеологических программ в молодежных движениях диктуются необходимостью формирования как можно более непротиворечивой относительно комплекса факторов, влияющих на общество, целостной действительности. Ее моделью является та или иная родовая программа, выраженная в той или иной исторической парадигме развития российского общества от Средневековья до современности. Так происходит достижение полихронных эффектов. Как пишет Е.М. Гашкова, полихронное восприятие нацелено на реализацию нескольких задач и позволяет возвратиться к уже осуществленному и случившемуся, ощутить себя в настоящем с некими неизменными атрибутами. Это помогает разбираться в возможных жизненных сценариях [12. С. 171–172]. Благодаря полихронным эффектам политический субъект в переходный период может обеспечивать реализацию нескольких политических проектов, отдавая приоритет наиболее эффективному с точки зрения властной необходимости, артикулируя их, отбирать и актуализировать наиболее приемлемые для придания устойчивости политической системе ценностные ресурсы.

Основным ценностно-нормативным вектором, утверждать который нацелены в общественном сознании программные установки российских молодежных движений 2000-х гг., является утверждение приоритета коллективного успеха и роли социально-значимых задач и целей над индивидуальными. Для этого, в частности, требуется восстановление ценности самого общества для каждого индивидуума, которое является конституирующим элементом основной массы идеологических программ российских молодежных. Вокруг этого элемента формируются все остальные различия прошлого, настоящего и будущего, которое призвана построить молодежь, используя те или иные варианты организационного опыта, будь то усиление государственной составляющей в социальном регулировании или формирование гражданского общества как организационной основы реализации приоритета коллективных задач, которые наполняются влиянием новых контекстов.

С целью защиты собственного проекта действительности то или иное идейное направление включает в свои программы организационный опыт другого. Эти заимствования со временем претерпевают различные модификации, обнаруживающие, с одной стороны, более глубокие отличия между политическими культурами движений, с другой – соединяющие эти различия вокруг единых норм политической социализации, придавая движениям относительную однородность установок стратегического характера, направленных на проявление относительно универсальных по отношению к множеству спектру отличий, особенностей российского общества.

Контрсуггестивная направленность молодежных движений выступает также важным вектором, а их организационные формы – своеобразными институтами психологической адаптации молодежи относительно политических и социокультурных условий ее существования. Ритуальный характер движений способствует преодолению различного рода противоречий, присутствию которых характерно особенно для современности. Ритуал, отмечает Н.А. Хренов, – необходимость, вызванная к жизни в результате того, что возникновению общества мешает какое-то препятствие. Таким препятствием может быть неспособность людей существовать и действовать сообща, что приводит к спонтанной возможности взаимного истребления или агрессии [8. С. 62]. Способом ее изживания в частности является современная массовая культура, представляющая собой вызванный к жизни для решения значимой задачи ритуализированный и, следовательно, культурный механизм [8. С. 67]. Таким ритуализированным механизмом являются и объединения молодежи социально-политической направленности, представляющие собой виды «организованного» и в той или иной мере управляемого недовольства, вызванного несоответствием ожиданиям молодых в отношении транслируемых обществом возможностей.

Таким образом, молодежные движения как ритуальные составляющие политической социализации направлены на придание ей устойчивости, социально-политической адаптации и сохранение социального порядка. Через воспроизводство предыдущих концепций и символических значений родовых стратегий актуализи-

руются ценности развития, нацеленные на воссоздание единых идейных оснований политической коммуникации, и воссоздание целостности общества в ситуации отсутствия адекватных этому состоянию воздействий окружающего мира воспроизвести довольно сложно. При этом в некоторой степени это происходит минуя и в определенном смысле опережая основную массу традиционных институтов социализации, к примеру образовательных. Применение мобилизационных стратегий и ритуальной компоненты действия, выраженной в том числе и в стратегиях уличной политики, нацелено в определенной мере на сопровождение ускоренных режимов социального времени, инспирирующихся теми и иными политическим акторами. Политический субъект представляет в отношении политической системы окружающий мир, но вместе с тем и продукт ее жизнедеятельности. Вызываемые им пертурбации в обществе компенсируют результаты предыдущих операций общества, организованных в виде ритуалов. Их активность как механизмов социально-политического регулирования определяет возможность общества преодолевать ситуации отсутствия культурных ресурсов для легитимности инноваций, необходимых для сохранения общества в целом. В силу ускорения инновационного воздейст-

вия со стороны окружающего мира (других систем, индивидуумов) роль ритуала возрастает. Вместе с тем благодаря ритуалу возможно сохранение и, за счет современных технологий, приумножение различий общества и окружающего его мира, подразумевающего усиление жизнеспособности систем функционирования национально-государственных образований.

Ритуальные механизмы в виде молодежных движений нацелены на реализацию той или иной меры обособленности российского общества, сохраняющей его жизнеспособность как независимого социокультурного целого, в период трансформации его институтов и формирования общегосударственной доктрины развития, способной стать основой регулирования социально-политических процессов. Посредством включения форм ритуального действия возможны поиск новых горизонтов (пределов) использования уже известного когнитивного опыта, опыта осмысления происходящего, а также подготовка перехода, формирование среды и определенной «критической массы» общественных настроений, для проявления или инкорпорирования в общественное сознание проектов развития, нацеленных на объединение неоднородного идейного пространства политики в периоды кризисов управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делягин М.Г. Ценностный кризис: почему формальная демократия не работает // Полис. 2008. № 1.
2. Делягин М.Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. М.: Инфра-М, 2003.
3. Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход // Социология: теория, методы, маркетинг. 2002. № 3.
4. Тернер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.
5. Торопов В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988.
6. Сайко Э.В. Ритуал – особый феномен, структурирующий отношения как важнейшее средство человеческой действительности // Мир психологии. 2003. № 1 (33).
7. Пелипенко А.А. Ритуальное мышление // Мир психологии. 2003. № 1 (33).
8. Хренов Н.А. Ритуал в контексте переходных эпох // Мир психологии. 2003. № 1 (33).
9. Филиппов Ю.В., Фирсова А.М. Юношеская возрастная инициация в структуре социальной самоидентификации личности // Мир психологии. 2005. № 3.
10. Субботина Н.Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе. М.: КомКнига, 2006.
11. Петров И.Г. Идеальность, универсальность, уникальность ритуала, его формы // Мир психологии. 2003. № 1 (33).
12. Гашикова Е.М. Временная петля // Модусы времени. Социально-философский анализ. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 4 апреля 2009 г.